

На правах рукописи

НИКОЛАЕВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА

**ДИСКУРС И ЭКЗИСТЕНЦИЯ: ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В
СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОМ ОПЫТЕ ЧЕЛОВЕКА**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Казань – 2004

Диссертация выполнена на кафедре философии Казанского государственного университета.

Научный руководитель:

кандидат философских наук, доцент

Мелихов Герман Владимирович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Бессонова Людмила Александровна

кандидат философских наук, преподаватель

Галиева Альфия Макаримовна

Ведущая организация:

Казанский государственный технологический университет

Защита состоится «___» _____ 2004 г. в ____ часов на заседании диссертационного Совета Д212.081.16 при Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2004 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат философских наук, доцент

Гизатова Г.К.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования.

Предмет изучения настоящей работы в самом широком смысле может быть сформулирован следующим образом: это осмысление места понимания в сфере социального бытия человека.

Традиционно герменевтическая проблематика исследуется как вопрос о понимании смысла текста. Гораздо реже можно встретить работы, в которых данная проблематика обсуждается в связи с осмыслением повседневного общения человека как вопрос о понимании людьми друг друга. Между тем именно этот аспект межличностного понимания, стянутый в проблематику Другого, волновал мыслителей самого разного толка на протяжении всего XX века. Дискуссии, сконцентрированные вокруг осмысления Другого и Чужого, велись и ведутся не только на территории философии (М.Бубер, Э.Гуссерль, Ж.-П.Сартр, М.Мерло-Понти, Ж.Лакан, М.Бахтин, Э.Левинас, С.Жижек и др.), но и в пограничных с нею областях социальной теории (Ю.Хабермас, П.Бурдьё, Э.Гидденс, З.Бауман и др.), социальной и культурной антропологии (К.Гиртц, К.Леви-Стросс, Дж.Клиффорд и др.), теоретической лингвистики и семиотики (Б.Гаспаров, Ю.Лотман, В.Иванов и др.). Углубленный анализ проблематики понимания Другого представляется актуальным особенно сегодня на фоне постоянно расширяющейся зоны национально-этнических конфликтов, столкновений на религиозной и межконфессиональной почве.

В поисках теоретического решения проблемы понимания Другого в настоящее время можно выделить две стратегии (Б.Марков): во-первых, это стратегия универсализма, попытка найти единые основания различных индивидов и культур; во-вторых, это стратегия мультикультурализма, признающая абсолютное право человека или «чужой» культуры быть другими, ни на кого и ни на что не похожими, автономными и суверенными. Ни в коей мере не претендуя на окончательное решение дилеммы универсализма и мультикультурализма (затруднения, связанные с этими двумя подходами общеизвестны), отметим, что с нашей точки зрения опыт единения по крайней мере двух человеческих душ на общем для них основании, признающий и даже утверждающий при этом суверенность другого человека, все же возможен. Например, в опыте любви. Другими словами, строго теоретическое, удовлетворяющее всех, решение дилеммы универсализма и мультикультурализма, с нашей точки зрения невозможно, но зато вполне вероятен экзистенциально переживаемый опыт (той же любви), решающий указанную дилемму на индивидуальном уровне.

Проблема понимания ставилась и решалась в настоящем исследовании в духе экзистенциально-герменевтической традиции, базовой предпосылкой ко-

торой является допущение сообщества автономных индивидов, обладающих собственной точкой зрения и нравственной позицией.

Концептуально это означало для нас введение в традиционную герменевтическую проблематику «язык – понимание» посредствующего звена – экзистенции. Таким образом, тематическое поле диссертации будет представлено в нашей работе следующей триадой: язык – экзистенция – понимание. Что это означает?

Положение, согласно которому всякое понимание представляет собой проблему языковую, разворачивается как событие языка, не требует доказательств. Гораздо менее очевиден другой факт, отмеченный в свое время Г.-Г.Гадамером: «Я полагаю, утверждал философ, что не только процедура понимания людьми друг друга, но и процесс понимания вообще представляет собой событие языка – даже тогда, когда речь идет о внеязыковых феноменах или об умолкнувшем и застывшем в буквах голосе – событие языка, свершающееся в том внутреннем диалоге души с самой собой, в котором Платон видел сущность мышления»¹. Это означает, что язык укоренен не только на уровне тех или иных дискурсивных практик, но и на уровне экзистенции, глубинного, внутреннего, диалога человека с самим собой. Человек – существо тотально языковое. Даже «отказ языка служить нам свидетельствует о его способности искать выражение для чего бы то ни было, а сама утрата дара речи есть уже некоторый вид речи; эта утрата не только не кладет конец говорению, но, напротив, позволяет ему осуществиться»². Все это говорит о том, что в социально-коммуникативном опыте взаимодействия людей есть иррациональные, связанные с человеческой экзистенцией, языковые пласты, в которых человек интимно сопрягается с душой другого человека, сохраняя при этом нетронутой суверенность этой последней. Именно на уровне этих глубинно-экзистенциальных языковых пластов и вершится межличностное понимание как бы выбрасывающее экзистенции общающихся людей навстречу друг другу. В этом допущении и выстраивалась концептуальная основа диссертации. Сначала нам важно было показать, что язык укоренен в повседневной жизни человека, более того, он ее созидает и конструирует, маркируя возможность понимания. Затем нам требовалось показать, что язык в этой своей конструирующей жизненный мир человека функции насильно ввергает нас в опыт негативной, деструктивной коммуникации (вспомним Л.Витгенштейна: «У нас в голове путаница относительно того, что *может* быть сказано...»³). Но при всем этом понимание между людьми все же возможно, если только силы свои оно черпает в экзистенции и далее обнаруживает себя на уровне экзистенциальной речи – открытой другому, правдивой, наполненной «истиной душой» говорящего.

---

¹ Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С.43-44.

² Гадамер Г.-Г. Там же. С.44.

³ Витгенштейн Л. Лекции. Кембридж 1930-1932. по записи Дж.Кинга и Д.Ли. Михайловский семестр 1930 года // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С.290.

Степень разработанности проблемы.

Данное исследование является междисциплинарным, поскольку охватывает широкий круг вопросов, относящихся сразу к нескольким дисциплинам: социальной философии, социальной теории, теории коммуникации, лингвистике. Междисциплинарный статус исследования предполагает использование широкого тематического спектра специальной литературы.

Тема диссертации связана с рассмотрением целого комплекса проблем, касающихся определения природы и места понимания в социальном бытии человека, сущности дискурсивных практик и отношения к Другому, особенностей символической власти и экзистенц-коммуникации. Данные вопросы по отдельности достаточно широко освещены в социально-философской и научной литературе.

В наиболее общем виде постановка проблемы понимания осуществлена в трудах западных исследователей М.Хайдеггера, Г.-Г.Гадамера, М. Мерло-Понти, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикера и др. В этих работах рассматриваются проблемы теории и метода исследования понимания, а также раскрываются философские основания понимания как социального явления. Данной теме уделяется внимание и в отечественной философской и научной литературе. В работах В.Бибихина, С. Гусева, Г. Тульчинского, В. Филатова, А. Никифорова, Н. Автономовой, В. Бабушкина, А. Величенко, А. Иванова, Д. Дорофеева, Л. Полякова и др. содержатся различные интерпретации феномена межличностного понимания.

Проблема бессознательного и неосознаваемого в языке и дискурсивных практиках также широко представлена в работах западных и отечественных исследователей М. Фуко, Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делеза, С. Жижека, А. Горных, И. Касавина, Б. Гаспарова, М. Рыклина, В. Руднева и др.

Вопросы, связанные с осмыслением Другого и символической власти, хорошо освещены в работах Ж. Лакана, С. Жижека, Ж.- П. Сартра, М. Бахтина, Ж. Отье-Ревю, Ж. Бодрийяра, Р. Салецл и др.

Экзистенциальные аспекты проблематики коммуникации выделяются в работах М. Бахтина, М. Бубера, Э. Левинаса, В. Подороги, Э. Фромма, К. Ясперса, В. Франкла и др.

И все же, несмотря на внушительное количество публикаций, посвященных очерченному кругу проблем, сохраняется необходимость их дальнейшей разработки. И прежде всего это касается вопросов, связанных с осмыслением экзистенциальных факторов межличностного понимания, а также целостного анализа соотношения дискурсивного и экзистенциального в понимающем бытии людей.

Таким образом, **объектом диссертационного исследования** выступает проблема понимания в структуре социально-коммуникативного опыта.

Предмет исследования: дискурсивные и экзистенциальные факторы межличностного понимания.

Цель настоящей работы: выявить дискурсивные и экзистенциальные условия понимания людьми друг друга в ситуациях повседневного коммуникативного взаимодействия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие теоретические **задачи:**

1. Рассмотреть дискурсивные (языковые) факторы понимания в аспекте повседневного существования человека. Для этого:

- рассмотреть язык в структуре бытия-друг-с-другом;
- дать описание взаимодействия языка и субъективности;
- рассмотреть язык как один из механизмов конструирования социальных отношений.

2. Рассмотреть дискурс как «место» расщепления (дезинтеграции) Другого. Для этого:

- дать характеристику социального как пространства символической борьбы;
- рассмотреть дискурсивные практики как формы власти.

3. Рассмотреть экзистенциальные (иррациональные) факторы понимания людьми друг друга в контексте повседневного общения человека. Для этого:

- раскрыть особенности экзистенциальной коммуникации;
- дать характеристику понимания как постижения в контексте экзистенц-коммуникации.

Методологические основания исследования. В диссертации нашли применение методы и принципы философского анализа, разработанные в рамках экзистенциально-герменевтической (М.Хайдеггер, Г.-Г.Гадамер) и феноменологической (Э.Гуссерль) традиции. В разработке конкретных вопросов диссертационного исследования мы обращались: в характеристике онтологии языкового существования человека – к изысканиям отечественного лингвиста Б.Гаспарова; в рассмотрении вопросов о природе взаимоотношения языка и сознания – к работам американского философа Дж.Серля; в трактовке дискурса мы отталкивались от идей М.Фуко. Наша работа отмечена также влиянием идей и методологических разработок Э.Левинаса, Ж.Лакана, П.Бурдьё и М.Бахтина.

Научная новизна и основные результаты исследования, выносимые на защиту: определяется как характером постановки, так и способом разрешения поставленных диссертантом задач, и заключается в том, что диссертационное исследование выделяет по существу новый аспект изучения проблемы понимания в социально-философской литературе: анализ иррациональных граней понимающего со-бытия людей.

К важным элементам содержания диссертации, доказывающим ее новизну и значимость, относятся также следующие положения:

1. Иррациональные аспекты языковой деятельности человека как необходимой «среды» понимания эксплицированы диссертантом на трех уровнях: 1) на уровне онтологии языкового существования, где язык проявляет себя в структурах бытия-друг-с-другом и бытия-с-самим-собой (субъективности); 2) на уровне дискурса в модусе *социального* бытия-друг-с-другом; 3) на уровне экзистенциального со-бытия человека.

2. Дано описание языка как антропологического опыта мира (концепция языкового существования человека), раскрывающего первичное нерациональное отношение человека к миру и другим людям. В этом случае появляется возможность «творческого» подхода к языку, который уделял бы особое внимание его *иррациональным* аспектам и интуитивной языковой деятельности человека.

3. Дана характеристика негативного опыта человеческой коммуникации, которая строится на формальном отношении к системе означивания, и выпадения из этого процесса создающего и понимающего индивида. В этой связи рассматривался дискурс как иррациональная сила, подавляющая человека, структурирующая его образ мыслей и желаний в пространстве социального. Само же социальное трактовалось как пространство символической борьбы за власть.

4. Рассмотрены экзистенциальные условия понимания и выявлены особенности *экзистенц-коммуникации*, охватывающей собой пространство языка, в границах которой осуществляется языковое общение, а также личность участников и способ их существования в мире, являющейся условием специфически экзистенциальной формы понимания - *постижения*.

5. Установлено, что экзистенц-коммуникация, в отличие от обычной коммуникации, предполагает равноправие участников, устремленность к другому, сопереживание (вчувствование), ответственность, и, в конечном счете, со-бытие бытия (М.Бахтин). Все это можно также охарактеризовать как «истинное» говорение. В экзистенц-коммуникации, где общение происходит «лицом-к-лицу» (Э.Левинас), в переживании со-бытия бытия мы соприкасаемся с самыми глубинными слоями Другого и раскрываем себя. Здесь лик Другого не поддается «обладанию». Такое языковое взаимодействие уже невозможно более свести к простой передаче информации, так как оно, затрагивая наши глубинные пласты, трансформирует нас самих, изменяет в пределе к подлинному существованию, экзистенции.

6. Дана характеристика «заботы о себе» (концепции М.Фуко) в контексте проблематики экзистенц-коммуникации как рационального «выговаривания» иррациональных моментов экзистенц-коммуникации. Забота о себе – это проявление целеустремленности, в которой происходит формирование человеческой личности и особой, этической установки на коммуникацию. В истоках такого отношения лежит открытость к другому, правдивая речь, наполненная «истиной душой» говорящего, позволяющая ощутить собственное присутствие при разговоре.

Научно-практическая значимость диссертации

Результаты исследования могут быть использованы:

- при подготовке лекционных курсов и семинаров по социальной философии;
- в качестве основы философских исследований по выработке методов анализа иррациональных, скрытых аспектов дискурсов.

Апробация результатов исследования. Существенные аспекты содержания настоящей работы изложены в 4 публикациях автора.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, трех глав, каждая из которых разделена на четыре параграфа, и Заключения.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень теоретической разработанности проблемы, формулируется цель и основные задачи работы, определяется новизна. Обосновывается структура исследования.

В первой главе «Язык и мир человека (к онтологии языкового существования)» рассматриваются дискурсивные факторы понимания в аспекте повседневного существования на уровне бытия-друг-с-другом, в процессе формирования субъективности и конституирования социальных отношений.

В главе четыре параграфа: § 1. «Бытийные условия человеческого существования: неполнота и потребность в Другом», § 2. «Язык в структуре бытия-друг-с-другом: слово, речь и понимание», § 3. «Власть языка и субъективность: сознание, мышление, со-присутствие», § 4. «Язык и конструирование социальных отношений: идеология и дискурс».

Человека становится зрелым, то есть самим собой, лишь в процессе понимания, раскрытия того смысла, который заключен в мире – в предметах, событиях, других людях. Мир, в котором живет человек, представляет собой

интерсубъективное поле значений, «жизненный мир» - дорефлексивный «горизонт» человеческого бытия, исходное средоточие его положения в мире.

Бытийствуя в горизонте своей укорененности в жизненном мире, человек одновременно аккумулирует вокруг себя некую взрывную энергию (М.Мерло-Понти), которая способна расщеплять исходную, допредикативную целостность жизненного мира. В первую очередь это проявляется в невозможности непосредственного восприятия человеком окружающей действительности и в его потребности понимать сущее.

Понимание в этом случае бытийной расщепленности человека будет означать стремление к утраченной целостности в особом доверительном отношении к сущему, которое раскрывает себя в фокусе нашего внимания, направленности-к.

Проблема понимания разворачивается нами на трех взаимосвязанных уровнях: семантики (через язык), рефлексии (через самопонимание) и экзистенции (через познание сущего).

Понимание всегда осуществляется через язык, который является неизбежным способом существования человека, его жизненным пространством. Язык соучаствует нам во всех наших мыслях и поступках, присутствует в непрерывном потоке человеческого опыта, то есть на уровне базисных структур повседневного человеческого бытия: бытия-друг-с-другом и бытия-с-самим собой.

Язык характеризуется такими качествами, как *самозабвение* (неосознаваемость процесса его употребления), *безличность* (наполненность не только говорящими, но и контекстом беседы, что является подобием некоей игры), а также *универсальность* (возможность сказать почти все обо всем). Поэтому язык постоянно ускользает от человека и всегда оставляет горизонт нераскрытого и потаенного.

Мир в таком случае представляет собой бесконечное множество интерпретаций, череду сменяющих друг друга знаков, игру знака и игру в знаке. Именно в процессе этой знаковой игры, как замечает Г.-Г.Гадамер, посредством ее и конституируется мир человека. Мир являет собой то целое, с которым соотнесен схематизированный языком опыт, и потому все формы человеческого сообщества являются формами сообщества языкового, которые и образуют язык¹. И та «непосредственность» нашего видения мира, истины, смысла и самих себя, которые мы искренне доказываем и ищем в процессе понимания, находятся в полном распоряжении языка.

Однако Г.-Г.Гадамер настаивает и на том, что существование языка невозможно без отдельного человеческого сознания. Живой язык построен не на однозначности знакового принципа, а с допущением присутствия всей полноты индивидуальности в каждом конкретном акте речи. Язык проявляется в первую очередь именно в сфере человеческого бытия-друг-с-другом, в сфере общения,

---

¹ Гадамер Г. – Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики, - М., Прогресс, 1990. - С. 518.

взаимопонимания, согласия. Конкретный человек не просто живет в языке, но и привносит в него свой смысл, контекст, без которых язык – это только голые схемы, застывшие и окостеневшие.

Человек является скрепляющим началом, объединяющим в себе опыт и слово. Опыт приобретает себя в полной мере в языке, а сам язык претворяет свои возможности в жизненном опыте человека. Язык не является покоящимся и замкнутым «домом» бытия. Он – та граница, через которую проходит понимающее истолкование мира при непосредственном участии в этом человека.

Непосредственное проявление языка в человеческом общении осуществляется в высказывании, которое по природе своей включает направленность и обращенность к собеседнику, другому человеку. Любая, даже внешне монологичная речь представляет собой неявную форму диалога, внутренне ориентированную на возможные реакции слушателя/собеседника. Именно в этой направленности разворачивается сложное взаимодействие между речью, значениями и личными ожиданиями, ассоциациями, которые в совокупности и представляют собой «среду» понимания.

В диалоге, в нескончаемой череде высказываний, ответных реакций, реплик и разворачивается на повседневном уровне понимание в форме взаимопонимания и самопонимания. В рамках коммуникативного взаимодействия формируется субъективность и индивидуальность участников диалога.

Однако субъективность человека определяется не только интерсубъективными (то есть языковыми по своей природе) факторами; субъективность обусловлена также сознанием, мышлением и способностью к сосуществованию.

Вещи не несут в самих себе значения. Осознавая себя, окружающий мир и свое место в нем, человек вырабатывает ко всему этому свое особое отношение и тем самым приписывает определенным предметам значения, объективирует их. Человеческое сознание, таким образом, способствует превращению объекта в знак.

Именно в этой направленности человека на объекты окружающего мира, самого себя и других людей проявляется *интенциональность* человеческого сознания. Интенциональные состояния представляют объекты и положения дел с ними в том же самом смысле, что и речевые акты. Однако интенциональность языковой деятельности, хотя и подобна интенциональности сознания, но не совпадает с ней, так как имеет особую смысловую направленность. Язык выступает как интенция соприкосновения с миром, он создает как бы природное, допредикативное единство мира и нашей жизни. Рефлексирующая и объективирующая деятельность сознания не совпадают с языком, но возможны только посредством его. Языковое значение выступает посредником между безмолвной интенцией субъекта и словами. В свою очередь, означающее (план выражения) в полной мере никогда не совпадает с означаемым (планом содержания), сформированным посредством сознания. Значение, которое приписывает

человек различного рода объектам, отличается от значения слова, привнесенного внутренней языковой интенцией. Все эти «зазоры» – между означающим и означаемым, чисто языковой интенцией и интенцией сознания – являются благоприятными условиями для спонтанного, неосознаваемого человеком влияния на его жизнедеятельность языка.

Мышление, в отличие от сознания, носит преимущественно языковой характер, и почти полностью охвачено языком так, что только в нем мы можем думать. Мышление заранее как бы подстроено под язык: человек с самого рождения обладает способностью к речи. Чтобы говорить, необходимо быть обученным тому, как именно можно говорить, то есть человеку необходимо усвоить определенный языковой код, «подстроиться» под формальные структуры языка. Назовем это свойство вербального символизма «дискурсивностью»: можно высказать только те мысли, которые могут быть расположены только в определенном порядке, свойственном языковому строю. Поэтому законы мышления подчинены законам дискурсивного строя языка, то есть являются по своей сути дискурсивными.

Вместе со способностью говорить язык наделяет человека определенным способом существования. Овладевая языком, человек наследует вместе с ним и некоторую культуру, знания, правила и техники существования, а также обретает вектор развития, ограничивая себя определенным жизненным пространством, способом воспроизведения человеческого опыта.

Дискурсивные практики, так называемые «языковые игры», подчинены определенным правилам, соблюдение которых обязательно для всех субъектов языка. Язык является элементом социального окружения, который неосознанно внедряется в раннем возрасте в человека через слушание, взаимодействие с людьми. Появление Другого происходит значительно раньше понимания и осознания самого себя. Вместе с появлением Другого нам являет себя и язык, как средство взаимодействия.

Язык позволяет нам слушать и понимать, а также *быть* вместе с другими в момент высказывания. Возможность *со-бытия* с другими играет важную роль в формировании человека как субъекта, как сущего, мыслящего индивида. А сама возможность со-бытия пронизана языковыми практиками: речью, высказываниями, слушанием. Возможность и обязательность ответа в диалоге предполагает необходимость понимания, где слушающий становится говорящим, а, следовательно, субъектом высказывания.

Формирование индивидуальности происходит в момент диалога, взаимопонимания (или стремления к этому), в котором и проходит жизнь человека. Вот почему ему так необходимы человеку другие люди.

Речевое общение, кроме речевых субъектов, предполагает и некую эпистему, дискурсивную формацию, проявляющую себя в определенном контексте беседы. Дискурс представляет собой процесс, через который данные значения при помощи языка прекрасно понимаются и собираются в одно целое, форми-

руя субъектов речи и их позиции. Таким образом, дискурсы способны оказывать давление на человека, причем не только на лингвистическом уровне, но и в его практике. Они обладают определенными процедурами, выделенными М. Фуко¹, которые призваны упорядочить как участников, так и сами дискурсы.

- *Комментарии, расслоение между первичным и вторичным текстом*, которые позволяют строить бесконечно много новых дискурсов, раскрывающих невидимый смысл, изначально заложенный в языковых практиках. Посредством дискурса происходит так называемой «воссоздание» объекта, рефлексия. Дискурс позволяет совершать моделирующие действия, потребность в которых объясняется стремлением человека наделить реальность актуальным смыслом.

Множественность смыслов, невысказанность их указывает на наличие огромного пласта нерациональных пластов в дискурсах и в самом языке. Точный смысл любого слова в таком случае будет определяться обстоятельствами, ситуацией, в которой они были произнесены. А также внутренней интенцией говорящего и его способностью уметь вкладывать свои намерения в слова языка.

- *Принцип автора* тесно связан с предыдущей процедурой. Он приписывает возможность нахождения смысла определенному автору, что позволяет ему исполнять такую функцию, не будучи истинным автором смысла. Он как бы «прячется» за коллективным, социальным авторством, которое проявляется прежде всего в форме социального знания, формирующего социальный мир как символическую систему. Здесь дискурсы оказывают значительное влияние как на саму систему, так и на социальных агентов в ее рамках. Это влияние проявляет себя прежде всего в вопросах власти и борьбы за нее.

- *Принцип ограничения, «дисциплины»* призван сформулировать ряд требований, предъявляемых к участникам в том, что можно говорить и чего говорить нельзя, что считать истиной, а что ложью. Дискурс ставит преграды, границы в самом себе. Их незаконный переход грозит человеку социальной изоляцией, одиночеством. Но само пребывание в пределах институций, которые накладывают ограничения на языковые игры, также ведет человека к невозможности понять самого себя, свое неповторимое и единственное место в мире. Внутренний принцип ограничения в дискурсе выполняет функцию принуждения, которая начинает прореживать говорящих субъектов, а также «подгонять» их под свои собственные рамки.

Во второй главе «Дискурс как «место» расщепления Другого (дезинтегративная функция социально-коммуникативных практик)» рассматриваются дискурсивные практики как формы власти и насилия над человеком, препят-

---

¹ Фуко М. Порядок дискурса/ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет, - М., Касталь, 1996. – С. 61 – 67.

ствующие адекватному взаимодействию и взаимопониманию в рамках межличностного пространства.

В главе четыре параграфа: § 1. «Пространство символической борьбы: лингвистическая катастрофа, габитус», § 2. «Дискурс как насилие Другого 1: язык желания», § 3. «Дискурс как насилие Другого 2: проблематика присвоения», § 4. «Расщепленный субъект: торжество дискурсивной власти Другого».

Языковая деятельность протекает для человека как неосознаваемая и неустраняемая, и поэтому она разрушает безусловное тождество человека и мира, человека и его Я, человека и Другого. Именно необходимость связывать эти категории вынуждает нас говорить об отрицательной стороне языковой обусловленности человека, мешающей ему понимать и осознавать, которая и рассматривается нами на уровне дискурса.

Говорящий субъект не порождает свою речь сам, он строит ее во взаимодействии с чужими высказываниями. Язык предоставляет человеку некие пустые формы, которые позволяют ему выделить себя как «Я», а партнера как «Ты». Отсюда – разделение на внутренние и внешние миры. Мир практики оказывается вне сознания человека. «Осознание себя» – это своеобразный выход в социальную структуру, исход индивида из себя. Этот процесс имеет обратное движение: внутренняя самость вбирает в себя ее «внешний» социальный опыт, который является основанием для последующего опыта.

Язык поддерживает ощущение присутствия Другого в дискурсе, но не позволяет нам с ним соприкоснуться, обрекая на одиночество. Здесь коммуникация предстает как негативный опыт человека, так как она строится на формальном отношении к системе означивания и выпадения из этого процесса сознающего и понимающего индивида. Такое положение в отношении с Другим делает субъекта разорванным, расотождествленным. Он превращается в пустую форму, его как бы нет, существуют только различные «Я», которыми он себя определяет.

Одним из способов частично компенсировать данный фундаментальный диссонанс является работа Культуры и Социума. Они вносят структуру закрытости в открытость и историчность человеческого сознания. Для этого создаются Миф и Ритуал, которые помогают частично отвлечься человеку от самого себя, от своей языковой обусловленности. Человек может продолжать пользоваться языком, но при этом действовать не от себя, а в рамках представительства культуры. Человек как бы переводится во внешний мир, означенный и структурированный, совершенно автономный от человека, в мир, где самому человеку по сути нет места. Именно здесь современный человек чувствует себя уверенно, богато и ясно.

Там же, где человек имеет дело с самим собой, где он – центр исхождения своей деятельности, активности, поступка, ему неуютно, неясно и скудно.

«Осознание себя» – это своеобразный выход в социальную структуру, исход индивида из себя. Этот процесс имеет и обратное движение: внутренняя

самость вбирает в себя ее «внешний» социальный опыт, который является основанием для последующего опыта.

Самонаблюдение связано, таким образом, с ориентацией во внешнем пространстве и пониманием социальной ситуации. Поэтому восприятие социального мира имеет двойное структурирование: с субъективной и объективной сторон. Они взаимно обуславливают друг друга и участвуют в производстве общего мира, здравого смысла и консенсуса в социальном мире.

Отсюда проистекает понятие «габитуса», анализируемого П.Бурдьё. Габитус – это «посредник» между индивидом и социальной системой. Он, с одной стороны, предстает как «социальное чувство», то есть нечто спонтанное и нерациональное; с другой стороны, он структурирует импровизации социального агента в определенных границах, предоставляя ему полностью готовые «формулы» практик и поведения.

Объекты социального мира, таким образом, могут восприниматься и выражаться различными способами, в зависимости от определенного набора диспозиций (габитуса), которые внушаются индивиду. Поэтому возникает множественность воззрений на мир, «плюральность» мнений, что является основанием для развертывания символической борьбы за право навязывания легитимного принципа видения и деления значимых объектов.

Следовательно, в социальную реальность изначально вписаны механизмы насилия и властного установления порядка, определения некой иерархии и классификации в хаотичном мире образов и представлений. Символическая власть, с одной стороны, классифицирует объекты окружающего мира, то есть делает их знаковыми и признанными. В то же время она «навязывает» свое представление социальной реальности. И социальные агенты, будучи социализированными, оказываются втянутыми в отношения символической власти и господства над ними.

Действие языкового знака протекает во внешнем мире и при социальном взаимодействии людей или во внутреннем мире социально организованного индивида. Поэтому язык всегда несет в себе возможность и необходимость существования Другого. Особенно ярко это проявляется при речевом взаимодействии, где присутствуют слова Других.

Говорящий субъект не порождает свою речь сам, он строит ее во взаимодействии с чужими высказываниями. И на присутствие Другого в дискурсе указывает целый ряд языковых средств; пересказ, косвенная речь, перевод, цитата, подражание и так далее. Это присутствие выступает как иррациональный пласт языка – лялязык Ж.Лакана, который не поддается лингвистическому научному анализу, так как носит неуловимый, непредсказуемый характер. Он не осознается субъектом речи и воздействует на него.

Психоанализ показывает символическое существование Я как нехватку Другого, как невозможность и тщетность всяких попыток его достичь, так как

Другой отделен от нас стеной языка. А взаимоотношения с ним носят насильственный характер, который выражается в моментах присвоения и господства.

Язык поддерживает ощущение присутствия Другого в дискурсе, но не позволяет нам с ним соприкоснуться, обрекая на одиночество. Такое положение в отношении с Другим делает субъекта разорванным, расотождествленным. Он превращается в пустую форму, его как бы нет. Существуют только различные «Я», которыми он себя определяет.

Такой человек превращается в массового, усредненного индивида, распадающегося на свои функции. Он не живет как собственное сознание, но как сознание социального бытия, превращаясь в «одномерного человека» (Г.Маркузе). Поэтому он с легкостью отчуждает другим свое мнение для представительства, и у него отсутствуют такие важные для человека качества, как самотождественность. Он становится «другим Я», не способным на личностное, понимающее, глубинное общение с другими людьми, называемое нами экзистенциальной коммуникацией (экзистенц-коммуникацией).

В данном контексте дискурс рассматривается нами как неосознаваемая сила, подавляющая человека, структурирующая его образ мыслей и желаний в пространстве социального. Само же социальное трактуется как пространство символической борьбы.

Дискурс предстает перед нами как сложный феномен, способный быть одновременно носителем множества неосознаваемых сил: власти, желания, подавления, расотождествления. Он является одновременно пространством символической борьбы, выражением субъективности и препятствием к проявлению экзистенции. Дискурс способен автономно порождать определенные смыслы, которые часто не зависят от говорящего или пишущего. Уже сама необходимость оформления мыслей, их артикуляция задает свои рамки для выражения, под которые вынужден подстраиваться человек. Дискурс обладает собственными процедурами смыслополагания, которые предъявляют особые условия к говорящему субъекту не только в сфере языка, но и в образе мышления, и в образе действия.

Дискурс, таким образом, выходит за рамки рациональной деятельности, и помимо формы высказывания он является своеобразной оценкой конкретного явления, которое он описывает, в системе определенных ценностей, которые воплощаются в структурах языка, в социальной символической. Необходимо подчеркнуть в связи с этим очень важный момент: данные дискурсивные процедуры осуществляются скрыто, они невидимы для непосредственного наблюдения. Обнаружить их можно только при целенаправленном анализе.

Коммуникация, протекающая в рамках дискурса, поэтому носит прагматический, функциональный характер. Целью ее не является понимание. Она существует сама в себе и поддерживает деятельность социальной системы. Человеку остается только «устроиться» в этой системе и использовать предложенные социальным дискурсом формы и практики для сообщения с другими

индивидами. Субъективность его целиком зависит от действий социальной системы, а не от самого ее носителя.

В третьей главе «На краях дискурса: понимание, постижение и экзистенц-коммуникация» рассматриваются экзистенциальные (иррациональные) факторы понимания людьми друг друга в контексте повседневного общения человека.

В главе четыре параграфа: § 1 «Эпистемологические и экзистенциальные аспекты проблематики понимания Другого»; § 2 «Другой и Я: экзистенциальная перспектива»; § 3 «Постижение и экзистенц-коммуникация»; § 4 «Рациональная обусловленность иррационального: забота о себе и экзистенц-коммуникация».

Основной причиной невозможности экзистенц-коммуникации является отсутствие подлинного бытия человека, в нее вступающего. Под подлинным существованием, экзистенцией, здесь понимается свобода человека как самосознающего существа, обладающего волевыми устремлениями к подлинности бытия, к истинному со-существованию с другим человеком. Этими характеристиками обладает человек-личность, который ставит во главу угла свою сущность, а не способ бытия.

Личность потенциально заложена в каждом человеке, но не каждый человек является личностью. Развитие личности, поиски «собственных» смыслов позволяют человеку решать трудности межличностной коммуникации путем установления *экзистенц-коммуникации*.

Собственное осознание открывает нам Другого, который раскрывается и наиболее полно воспринимается нами в понимании-постижении. Это помогает раскрыть смысл как самоценность и самобытность воспринимаемого. Другой, поэтому, облекается в индивидуальные, личностные, только ему присущие черты. Вследствие постижения, Я открывает в Другом нечто индивидуальное, выделяя его из всеобщего. Другой предстает теперь передо мной как другая целостность, отдельный характер. Он становится равным мне, а не подавляемым, используемым или присваиваемым.

Именно умение увидеть в Другом самобытную ценность открывает передо мной возможность и условия для обнаружения себя. Через Другого я могу почувствовать себя как особенность и ценность так, как я не могу увидеть себя сам, со своего места в мире. Самопонимание не способно открыть мне себя так, как это может сделать отношение ко мне Другого. Поэтому одиночество, уход в себя неприемлемы для развития человека как личности, для становления его подлинного бытия, экзистенции.

Переживание ценности Другого для меня и меня для Другого являются основой со-бытийного бытия и присутствия в мире.

Непрозрачность языка, способность к многозначности и многоуровневости смыслов, выраженных словами, иррациональные аспекты (наряду, конечно, с факторами социальности и рефлексивной обусловленности человека, иссле-

дующимися социальными науками) – все это является предпосылкой такого положения человека, его выпадения из бытия. Но вместе с тем, такие особенности языка, в частности, его иррациональные уровни, имеют еще и положительные аспекты. Они, на наш взгляд, несут в себе возможности преодоления данной ситуации и выхода из состояния «несчастливого» сознания. Именно иррациональность, неподвластная структурированию, раскрывает перед человеком, как незавершенным и развивающимся «проектом», огромное поле творческой интуитивной деятельности, как в отношении себя, так и в отношении с другими людьми.

Стихийность и неструктурированность «живого» участного слова, позволяют ему не только устанавливать собственные пределы, но и переступать их. Следовательно, в языке, в силу его иррациональности, динамичности, есть термины, непрестанно смещающие область собственного значения и обеспечивающие возможность взаимообратимости связей. Поэтому язык (а также и человек, участно в нем пребывающий), находится в процессе становления, что позволяет событию, развертывающемуся в ткани языка, непрестанно становиться, разворачиваться, то есть развиваться. События и понимание-постижение, следовательно, заданы в языке, изначально возможны.

Иррациональность является моментом экзистенции, прорывом в глубинные пределы языка и подлинного существования человека. В момент постижения человек открывает не только подлинную сущность другого человека, но и совершает прорыв к своему участному и ответственному бытию-событию, где он может жить из себя. В постижении человек не только изменяется сам, но и осознает эти изменения. Иррациональность несет в себе возможность креативного, деятельностного мышления, основанного на этических моментах, таких как воля, целеустремленность, деяние, поступок. Иррациональность способствует осознанному выражению намерения человека, что делает слово не просто формой, но ответственно-значимой правдой.

Владение живым словом, объединяющим в себе и понятие, и образ, и интонацию, является основой успешной межличностной коммуникации. Иррациональные аспекты языковой деятельности, таким образом, выступают необходимыми условиями понимания людьми друг друга и самопонимания.

Отдельные слова – это своего рода пустые формы для отбора образов и для обозначения *любого* положения вещей. И в этом смысле существует глубинная связь между предложением (которое высказывает и выражает) и субъектом (высказывающимся и выражающимся). Субъект может производить свои собственные манифестации, которые наполняет предложение его желанием, волей и верой. Субъект, выражающий себя как «Я», не только задает тон и окрашивает готовые значения, но и наделяет их собственными смыслами, то есть обнаруживает себя через высказывание.

Здесь наиболее полно прослеживается взаимозависимость языка и человека. Язык обладает возможностями передачи смысла, сущности мысли, но не

является неким универсальным, идеальным и самодостаточным началом, которое само по себе обеспечивает полное понимание и постижение сказанного. Он является центральным связующим началом в отношениях мир-человек. Но, кроме того, в этих отношениях присутствуют феномены телесности и временности, которые также определяют человеческое существование и представлены в языке в форме жестов, интонации. Язык раскрывает себя в живом и непосредственном акте своего осуществления и включает в себя не только вербальный, но и авербальный уровни.

В экзистенц-коммуникации язык реализует себя в диалогичном общении. Именно в слове наша обращенность обретает ответ. Экзистенц-коммуникация, следовательно, представляет собой взаимное, динамическое формирование. В языковом общении у нас появляется возможность понимать и самовыговариваться. Однако, экзистенц-коммуникация предполагает также и слушание, и молчание, которые являются своеобразными модусами говорения, изначальными установками говорящих.

В молчании, как необходимом условии экзистенц-коммуникации, я обретаю возможность домысливать услышанное, улавливать интенции другого, моего собеседника. И потому речь в экзистенц-коммуникации проявляет себя как символическая речь, наполненная намеками, недосказанностями и моментами, не имеющими возможности быть высказанными. Именно желание, воля и изначальная установка на слушание другого (а, следовательно, и понимающего отношения к другому) позволяет продолжать взаимное общение там, где язык останавливается.

Экзистенц-коммуникация невозможна без определенной позиции говорящего. И эта позиция заключается в определенном отношении к себе, или в «заботе о себе». В заботе о себе человек получает возможность рационального «выговаривания» иррациональных моментов экзистенц-коммуникации.

Забота о себе – это проявление целеустремленности, в которой происходит формирование человеческой личности и особой, этической установки на коммуникацию. В истоках такого отношения лежит открытость к другому, правдивая речь, наполненная «истиной душой» говорящего, позволяющая ощутить собственное присутствие при разговоре. Такое отношение к другому, выраженное в определенном способе общения и влияния на него, также выражается помимо слов в его поведении и образе жизни, который можно определить общим термином благодетства.

Социальные отношения в экзистенц-коммуникации, следовательно, требуют от его участников наряду с истинной речью и присутствием, также переосмотра и возможного отступления от привычных норм общения и образа жизни.

В заключении подводятся краткие итоги диссертационного исследования, намечаются пути дальнейшего философского изучения проблемы

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. Николаева Н.А. Михаловски Р. (Де)конструкция, постмодернизм и социальные проблемы: факты, фикции и фантазии в условиях «конца истории»./Контексты современности – II: Хрестоматия. Сост. и ред.С.А. Ерофеев. – Казань, Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 175 – 185.
2. Николаева Н.А. Язык и мир человека/ Н.А. Николаева; Казан. ун-т. – Казань, 2003. – 40с.: Библ.72 назв. – Рус. – Деп. в ИНИОН РАН - №58396, 28.11.2003.
3. Николаева Н.А. Дискурс как «место» расщепления Другого/ Н.А. Николаева; Казан. ун-т. – Казань, 2003. – 41с.: Библ.44 назв. – Рус. – Деп в ИНИОН РАН - №58397, 28.11.2003.
4. Николаева Н.А. Приватное как сфера свободы и личной игры/ Перспективы развития современного общества: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 5. – Казань: Издательство Казанского государственного технического университета, 2004. – С.41-46.